

ДАРЬЯ ЛЕДНЕВА
ТЫКВЕННАЯ КНИГА
ФЭНТЕЗИ

12+

Дарья Михайловна Леднева

Тыквенная книга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63381577

SelfPub; 2020

Аннотация

О девочке Элле, рыжем коте, мрачном доме с тыквами и о воображённых людях, которые исчезнут, когда закончатся страницы. Рукопись вошла в лонг-лист конкурса «Новая детская книга», сезон 2012-2013 гг. Полный текст публикуется впервые.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	47
Глава 5	59
Глава 6	77
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Дарья Леднева

Тыквенная книга

Глава 1

Элла читает на подоконнике. Чуть дует по ногам из невидимой щели меж ставен, но девочка и не думает перебираться в другое место, ведь на коленях спит пушистый рыжий кот, вечный шалун, но столь тихий в редкие минуты усталости.

Девочке тринадцать, хотя порой за умные зелёные глаза ей дают и больше. Тёмные, почти чёрные волосы заплетены в косу. Ворот длинного свитера натянут по самый подбородок. Синие колготки протёрты на пятках и не заштопаны, и именно эти розовые пятки и щекочет холодный сквозняк.

Девочка отрывается от книги и смотрит в окно. Она только что прочла о том, как гасконец на постоялом дворе в Менге поссорился с незнакомцем в плаще, и теперь Элле нужна минутка, чтобы передохнуть от переживаний и продолжить чтение. Элла не видит пасмурных качелей за окном и не слышит барабанной дробы дождя по стеклу, в её мыслях только Д'Артаньян.

– Элла! – зовут.

Девочка вздрагивает. Разве опекуны уже вернулись с ра-

боты?

– Элла! – с кухни.

Она закладывает книгу атласной лентой, берёт на руки сонного кота и спешит на кухню. Никого. Только чёрный ворон царапает когтями раму открытой форточки.

– Ты кто?

Птица наклоняет голову и улыбается агатовым глазом.

– Чего тебе?

– Кар-р-р!

Рыжий разбойник поводит ушами, услышав ворона, и, вырвавшись, покарябав Эллу коготками, прыгает на стол.

– Нельзя, Тошка!

Но незванный чёрный гость успеваает упорхнуть с форточки. Кот лишь недовольно мяукает и бьёт лапой по стеклу. Ох, уж эти пернатые! Вечно дразнят и нарываються на неприятности, но улетають, хитрюги! Ничего, ещё допляшутся! И тогда уж полетят во все стороны перья!

– Эх ты, Тошка. Вспугнул, – вздыхает Элла, обнимая друга. – Как думаешь, зачем ворон к нам пожаловал?

Кот лишь пробует вырваться из объятий и убежать по своим кошачьим делами.

– Я вот, шалун мой ненаглядный, думаю, мы упустили важное послание. Ну, ладно. Король-Ворон ещё пришлёт к нам гонца. Ты ведь его не оциплешь?

Элла пристально смотрит Тошке в глаза. Разбойник протяжно мяукает. Он бы с радостью потрепал птичку, а то и

самого вороньего короля.

– Обещаешь?

Рыжий всё же выворачивается, соскальзывает на пол и прячется в домике. Элла, махнув рукой, возвращается к «Трём мушкетёрам», на этот раз подобрав под себя ноги, чтобы сквозняк не дул по голым пяткам.

Её иногда тревожит воспоминание о крылатом посланнике. Тот проносится меж строк и разрывает ряды букв, перемешивая их в несуразное зелье. Опускается на шляпу д'Артаньяна, когда тот говорит с де Тревилем, и кричит о смертельной опасности. И тогда Элле отчаянно хочется заглянуть в конец книги и убедиться, что с любимым героем не случится плохого.

Вечером возвращаются Демидовы. Милая бездетная пара, охотно приютившая бестолковую сироту. Они далеки от идеалов. Демидов курит, дымя паровозом на балконе, и часто скрючивается от кашля. А Демидова любит сетовать подругам на тяжёлую долю и на девочку-юродивую, что они взяли на иждивение. Элла никогда не обижается. Ей даже жаль приёмную тётку. Та лишена огромного счастья каждый день открывать новый мир и тонуть в его удивительности. Она ходит на скучную работу, переваривает офисные дразги, выплёвывает сплетни подругам, по вечерам жарит котлеты и смотрит телешоу.

Впрочем, Демидова не всегда называет Эллу блаженной, а только если девочка забудется и расскажет об охоте на Моби

Дика или сражении с гвардейцами кардинала Ришелье.

Сегодня Элла молчит о гонце Короля-Ворона, и опекунша достаёт с верхней полки три конфеты к чаю. Сами Демидовы никогда сладостей не едят, хотя Элла знает, что в святилище их припрятано два пакета. Однажды девочка залезла туда посмотреть, из недр какого волшебного колодца берутся шоколадки и конфеты, и нашла.

Элле очень нравится у Демидовых, уж куда лучше, чем у Романовых, оставшихся в прошлом и на другом конце необъятной Москвы. По правде сказать, Элла немного кривит душой: Романовы её не обижали. Но у них вся жизнь подчинялась гнетущему расписанию: завтрак ровно в семь десять, всегда овсяная каша с комочками и вязкий кисель, домашнее задание под надзором и полчаса телевизора перед сном, даже если хочется почитать. Шаг влево, шаг вправо – укоризненные вздохи. Два шага – нудная лекция. Но всё справедливо. И если не раздражать взрослых, то в субботу плетущаяся, словно пьяная гусеница, бабушка-старушка вела девочку в зоопарк и протяжно охала всю дорогу. Элла даже сочинила небольшую песенку под её монотонное бормотанье.

Так, возвращаясь из зоопарка, Элла и встретила Тошку. Маленький грязно-рыжий исхудалый котёнок едва держался на тонюсеньких лапках. Бабка покрепче стиснула руку Эллы и с неожиданной прытью поволокла прочь. Бездомный заморыш жалобно пищал и обречённо брёл за девочкой, оступал-

ся, но упорно вставал. Наконец, Элла извернулась и подхватила бедолагу на руки.

– Родители будут недовольны, – только и сказала бабка.

Вечером квартира взорвалась страшным скандалом. При- тащить блохастого зверька с помойки в чистую квартиру с недавним ремонтом и итальянской мебелью. Обдерёт обои, изгрызёт ножки кресел, загадит ковры!

Безропотного котёнка вышвырнули на улицу. Холодную дождливую ночь он провёл под неприветливым осенним небом.

Утром Эллу отвели в школу за руку, чего не случилось давно. Но после первого урока она сбежала. Котёнок нашёл- ся у подъезда под урной, куда забился в поисках сухого ме- ста. Он трясся от холода. Уши прижаты, шкурка черна как половая тряпка после уборки. Домой с ним нельзя, но и рас- ставаться не хотелось до боли в груди.

Элла села в автобус и доехала до парка, где иногда гуляла летом с бабкой. Пассажиры жалостливо поглядывали на де- вочку, прятавшую под курткой комочек счастья.

В магазине Элла купила баночку сметаны и села на ска- мейку кормить котёнка. Тот неуверенно высунул мордочку из куртки, но тут же вжался обратно. Девочка чувствовала, как трепетно билось его сердце. Пушистый комочек поти- хоньку отогревался. Она поставила сметану на скамейку и пододвинула котёнка ближе к еде. В первое мгновение зве- рёк съёжился от холодного ветра, но Элла ободряюще погла-

дила его по голове. Котёнок учуял сладкий запах сметаны и осторожно облизал краешек баночки. Распробовав, он жадно накинулся на еду.

– Красивый. Как его зовут? – раздался голос позади. Элла обернулась и увидела высокую женщину в драповом пальто, похожую на величественную скульптуру из чёрного мрамора. Волосы цвета вороного пера собраны в конский хвост, яркие стрелки у хитрых зелёных глаз, тонкие алые губы, чуть приоткрытые, словно что-то мешало их сомкнуть.

– Тошка, – ответила девочка, всё ещё любуясь незнакомкой, изучая волнообразный изгиб бровей, тонкий нос и скрещенные на животе кисти рук.

– Хорошее имя.

– Ага.

Элла тяжело вздохнула. Кто знает, может, это её последняя встреча с Тошкой? Он долижет сметану, вновь забьётся под куртку, но вечером? Что делать, когда неминуемо возвращение к Романовым?

– Почему ты не в школе?

Девочка прикусила губу.

– Вообще-то не стоит разговаривать с незнакомыми.

Женщина тепло улыбнулась.

– Конечно, не стоит. Но ведь я не зову тебя в тёмный переулок?

От дамы не веяло опасностью, тревога не витала в воздухе. Да и непохожа она была на тех, о ком говорят в крими-

нальных новостях.

– Надо Тошку покормить, поэтому я и ушла из школы, — Элла спрятала сытого котёнка под куртку.

– Что же, больше кормить некому?

– А у него никого, кроме меня, нет.

– И что же ты будешь делать вечером? Оставишь его одного?

– Не знаю...

Пока не пришла незнакомка, Элла молилась, чтобы вечер никогда не наступил. Оставить котёнка на улице – сердце разорвётся, глаза заплачешь. Но принести его домой, вновь переживать оглушительные пушечные выстрелы скандала, видеть, как кривится и расползается, подобно краске, лицо Романовой. Это выше сил.

– Я... Я убегу из дома! – глаза Эллы загорелись огнём. Конечно! Как отчаянные и храбрые герои книг бросить вызов обществу, расправить крылья и взлететь!

Но незнакомка сердито нахмурилась, и девочка сникла.

– Побег из дома – это не решение проблемы, а ребячество, безответственность. Но ты ведь взрослая девочка, правда?

Элла кивнула, ловя солнечную улыбку.

– Что ты будешь делать одна на улице? Замёрзнешь и оголодаешь. И коту никак не поможешь. Ты же не хочешь, чтобы Тошка страдал ещё больше?

– Не хочу, — Элла опустила глаза. Слёзы подступали.

– Вот что. Пойдём ко мне.

– Не могу. Нельзя ходить к незнакомым людям в гости.

Женщина довольно щёлкнула пальцами.

– Ты права, я сглупила. Тогда давай я возьму котёнка и позабочусь о нём.

– Правда, позаботитесь?

– Честное мушкетёрское.

Элла нахмурилась.

– Я не читала о мушкетёрах. Говорят, девочкам моего возраста Александра Дюма ещё рано читать.

Женщина призадумалась.

– Сколько тебе лет?

– Одиннадцать скоро.

– Даю честное слово Василисы Премудрой. А «Мушкетёров» всё-таки прочти.

И обе звонко рассмеялись. Ветер подхватил пожухлые листья и закружил их в такт смеху. Элла отдала котёнка, уверенная в его судьбе. Девочка и незнакомка условились встречаться по воскресеньям, чтобы Элле больше не прогуливала школу. А дома девочка сказала, что записалась в кружок рисования. Романов презрительно фыркнул: «Глупости!» Самто он был экономистом по образованию и трудоголиком по складу души. Всё, что он ни делал, приносило выгоду и чаще всего – деньги. Поначалу Элле это даже нравилось: ведь её дважды в год возили на море. Но вскоре взрослые ей наскучили: они совершенно не думают о сказках.

Каждое воскресенье Элла и незнакомка, так и не назвав-

шая имени, гуляли по парку, ели ванильное мороженое в хрустящих стаканчиках, а иногда женщина водила Эллу в кино. Девочке нравилась темнота кинотеатра. Откинувшись на спинку кресла, она сочиняла свои истории, и пока персонажи на экране творили одно, в воображении Эллы всё развивалось иначе.

Женщина соловьём рассказывала о далёких странах, куда ездила по работе, о прыжке анаконды и тыквенном вареве аборигенов, о разрушенном замке, поросшем столетним мхом. Она пересказывала книги и придумывала небылицы об Иване-царевиче, будто он вовсе и не женился на лягушке, а сам случайно заколдовал невесту и отправился за тридевять земель искать противоядие, пока заклинание не стало необратимым. И говорила она о заморском принце, чья жажда власти сгубила его невесту. Элла слушала, затаив дыхание. Успеет ли принцесса Констанция спастись от гончих тьмы, сможет ли вырваться из заколдованных лабиринтов сумрачного леса, где корни деревьев сплетаются в арки и тыквы с искаженными лицами встают на пути? И вот когда бешеные псы уже настигали несчастную, незнакомка печально замолкала. Она поджимала губы и отводила взгляд. Элла нетерпеливо дёргала женщину за рукав.

– Ну, а дальше? Она спаслась?

– Это неважно, Элла. Когда подрастёшь – дорасскажу. А пока просто помни: израненные души всегда остаются в шрамах.

Элла грустнела. Но когда незнакомка рассказывала о смекалистом коте в сапогах, девочке вновь становилось тепло и уютно. И совсем не хотелось домой.

– Вот бы и мне быть такой же, как вы, – однажды сказала Элла на прощанье.

– Ты будешь лучше, – таинственно улыбнулась женщина.

После пробирающих до дрожи зимних вьюг работники социальной службы огорошили Эллу известием о новой приёмной семье. Романовы так и ничего и не объяснили. Но они не выглядели ни расстроенными, ни счастливыми. Молча скрывали тайну и топили чувства в равнодушных минах, собирая Эллины вещи.

– Что ж, это даже хорошо. Теперь ты сможешь жить вместе с Тошкой, а то он скучает по тебе, – весело пропела незнакомка, узнав новости.

– А вас я когда-нибудь увижу? – с надеждой спросила Элла.

– Я уезжаю, – помрачнела женщина. – Понимаешь, я живу в удивительном, волшебном мире. Если бы только знала, как он прекрасен! – её голос смягчился; словно расцвели незабудки. – Но мой мир в страшной опасности. Он умирает, и я ничего не могу сделать... И всё же я должна быть там.

Элла с грустью смотрела на женщину. Слезы навернулись на глаза. Неужели больше не будет полуденных походов в кино и мороженого? Принцессы, убегающей от тьмы, и стран-

ствующего Ивана-царевича?

– Я пришлю ворона, Элла, когда тебе исполнится тринадцать. Я вернусь за тобой. Обязательно однажды вернусь и всё объясню. Обещаешь ждать?

– Да.

Сердце трепетно забилося. Волнующе. Неужели, наконец, всё будет как в сказке?

– Помни, Элла, у тебя чудесный дар, дар воображения. Береги его.

Женщина задумчиво убрала прядь со лба.

– Я слишком многое рассказала тебе, а ведь рано ещё. Ты забудешь, но вспомнишь позже.

Женщина, сложив губы трубочкой, подула на Эллу, как горный ветер, и девочка почувствовала: мысли разбегаются, мгновения испаряются из памяти, точно стремительно сгорающая свеча. Впрочем, после всегда остаётся расплавленный воск.

– Я пришлю за тобой ворона, Элла. Главное, не забудь: воображение – это самый ценный дар, какой только может быть дан человеку, – и ушла, не дав попрощаться.

Эллу привезли к Демидовым. Новый дом, школа, районная библиотека с молодой и весёлой работницей, которая с упоением пересказывала остросюжетные детективы. Первые недели Элла смутно помнила безымянную незнакомку и обещание о вороне, но вскоре стала забывать и перестала ждать, уступая новым впечатлениям и мурлыканью кота, греюще-

гося на коленях.

Ночью Элла просыпается, точно от удара током. Сквозь сон всплывает давно забытый разговор о вороне. Два года назад.

– Значит, она вернулась за мной, Тошка. Её не похитил Кощей Бессмертный, не съела анаконда с Амазонки. Она вернётся и заберёт меня. Мы вместе уедем в Париж или в Лондон. И откроем своё сыскное агентство. Как Шерлок Холмс. Она будет Шерлоком, а я Ватсоном. Мы столько преступлений раскроем! Или, может, она увезёт меня в тот странный, волшебный мир, о котором говорила на прощанье. Будет здорово, если он на самом деле существует.

Утром Элла причёсывается аккуратнее, чем обычно. Надевает синее платье в белый горошек и новые колготки.

Сегодня они уедут на поезде далеко-далеко, на море разгребать завалы голубых ракушек, строить замки из песка и танцевать в волнах.

Воскресенье.

Демидовы умчались на строительный рынок за шпаклёвкой. Затевают ремонт. Пора бы привести в порядок Эллину комнату. Девочка же отказалась от поездки. Незнакомка может приехать в любую минуту.

Тошка лениво гоняет клубок фиолетовых ниток. Элла читает «Двадцать лет спустя», но то и дело отвлекается. Ей всё кажется, что на лестничной площадке кто-то есть, подходит

к двери и нажимает кнопку звонка. Она вздрагивает. Прислушивается. Нет, показалось. Разочарованная, утыкается в буквы.

– Может, завтра.

И вечером, когда темно и зажигаются бусины звёзд, раздаётся звонок в дверь. Демидовы никогда не звонят, просто отпирают дверь. Значит, это она. Всё-таки пришла.

От волнения вот-вот выпрыгнет сердце из груди! Элла подбегает к двери и смотрит в глазок... вот только это вовсе не чудо-женщина в драповом пальто.

Глава 2

Дождь моросит, бьёт Эллу спелыми водянистыми ягодками. Девочка хлюпает, шмыгает носом, вытирается платком. Мужчины и женщины в чёрных костюмах бросают ей сочувственные взгляды-подачки. Перешёптываются: «Бедное дитя! Ой, нелегко ей, наверное, придётся. Одна ведь остаётся...»

Кладбище. Хоронят чету Демидовых. Людмила Альбертовна загримирована сотней слоёв белого тонального крема, и малиново-пунцовым ярко выделены щёки и тёмно-синим подчёркнуты глаза, точно у молодой девицы. Мертвее мёртвой. У гримёра в похоронном бюро слишком тонкий юмор, чтобы Элла его оценила.

Гроб Николая Фёдоровича закрыт. Наглухо заколочен, чтобы никому не пришла в голову мысль приподнять крышку и посмотреть.

За два года Элла привязалась к Демидовым.

А теперь их больше нет.

Погибли в страшной автокатастрофе, в дождь столкнувшись с КамАЗом. На полной скорости гнали со строительного рынка, торопились домой. Соседи говорят, Демидовы красивые обои купили для детской, а в сумке нашёлся паке-тик пряников, любимых Эллой. Так взрослые твердят, сама же Элла ничего толком не знает.

Теперь Демидовых больше нет. Только два деревянных ящика и барабанная дробь солёного дождя. И слёзы вместе с каплями стекают по щекам.

Элле холодно, и она плотнее кутается в куртку.

Её пугают однотипные каменные кресты над могилами. Всё, что остаётся от человека. Фантазёрка бросает на них беглые взгляды, на некоторых задерживается, но не может угадать, кем были эти люди. Что читали? Чего желали? Бегали ли по утрам или просиживали вечера перед телевизором? А ведь эти безликие кресты когда-то и сладостно мечтали, и смеялись, и плакали, словом, жили. Но теперь всё, что они могут – это возвышаться над искусственными цветами и венками, возложенными родственниками. Со временем цветы поблекнут, и тогда через год заботливые руки заменят их новыми, такими же неживыми.

Будет ещё длинная дорога обратно, гнетущая пустыми разговорами. Эллу задёргают вопросами о том, как ей жилось у Демидовых, почему она предпочитала читать книжки по вечерам, а не помогала Людмиле Альбертовне мыть посуду? Спросят ещё про школу, про планы на будущее. Если не ответит на вопрос об обыденной жизни Демидовых, например, не вспомнит, как хотела провести отпуск приёмная, то непременно упрекнут, что она недостаточно любила опекунов. И, конечно, не заслужила их любви. И ещё много чего наговорят.

Хорошо бы оказаться дома, налить крепкого чая с апель-

сином, погладить рыжего кота и усесться на подоконник с книгой. Забыться.

Но этого не будет.

После похорон её забирают. Нет, не в детский дом, полный вечных несбыточных надежд, грустных девочек и мишек с оторванными лапками.

Утром объявилась диковинная женщина в галошах и овечьем пальто – высокая, с широкой костью, но скорее худая, чем толстая: под сухой морщинистой кожей отчётливо виднелись ключицы. Марфа Ильинична Норкина. У Эллы тоже фамилия Норкина.

И хотя от незваной гостьи пахло книжной пылью, мандаринами, котом и пряной смесью, Элле она не понравилась. За её движениями скрывалась нервозность и злоба не выпавшего человека, которого разбудили в самый неподходящий момент, вытолкали из тёплой постели и отправили за тридевять земель. Её узкие тёмно-зелёные глаза бегали, перепрыгивали с одного на другое, искали во что бы впиться. И сироту бросало в дрожь: эта женщина казалась вылитым тюремным надзирателем.

Марфа Ильинична говорит, что хватит с Эллы опекунов, пора уже перебраться в семейный дом и воспитываться у дяди как примерная племянница. А тот в строгом чёрном костюме, с зализанными назад волосами, будет сидеть в глубоком кресле и листать дневник с оценками, пока Элла, затаив дыхание, стоит за его спиной.

В общем-то, деваться некуда.

Вдруг объявился наследник Демидовых. Смазливый блондин со сладкими глазами, но холодным металлическим голосом. Он скривился, точно лук чистил, узнав, что дитё-книголюб, безумная прихоть его родителей, может достаться ему в наследство. Потому госпожу Марфу Ильиничну он принял с распростёртыми объятиями. И при каждом удобном случае намекал, что госпоже Норкиной, пожалуй, будет неудобно задерживаться в пыльном и шумном первопрестольном граде и лучше непременно сегодня же уехать с девочкой, тем более что дважды осиротевшей малютке донельзя полезна смена обстановки. Марфа Ильинична молча его выслушивала.

Выбирая между детдомом и то ли родственницей, то ли однофамилицей, Элла предпочла компанию последней.

Опускают гробы в могилы, уныло звучит прощальная речь. Бросают комья земли, и рабочие закапывают. Коллеги и соседи Демидовых тянутся к микроавтобусу. Элла плетётся за ними. Два часа езды, немного посидеть на поминках – и придётся быстро собирать скромные пожитки. Марфа Ильинична обещала быть в четыре. Сейчас двенадцать. Конечно, вчера Элла зачиталась и не успела собраться: задумалась о горькой сиротской доле, сидя в углу и в пол-уха слушая телефонную болтовню сына Демидовых с женой.

Мучительная похоронная часть завершается. Теперь бы пережить поездку в Москву.

Марфа Ильинична является ровно в четыре, ни минутой раньше, ни минутой позже.

Элла толком не собралась и, как айсберг, в задумчивости стоит посреди комнаты. Как ни складывай, вещи в чемодан не помещаются. То для свитеров места не хватает, то для тетрадок, то для книжек. Книжки – большая тема. Их у Эллы целая сотня, и с каждой жаль расставаться. А ведь сынок Демидовых наверняка отнесёт их на помойку. Эх, надо было вчера в библиотеку сбежать! Может, часть удалось бы спасти.

И что делать с Тошкой? Вон он – сидит на подоконнике, положив голову на забытую варежку, любимую, розовую, очень тёплую. Следит, не сводит зелёных глаз.

– Ты ещё не готова? – руки в боки.

– Извините, – смущённо отвечает Элла.

– Извините? – гадюкой взвизгивается Марфа Ильинична. – Извините?! Издевается, поганка! Сколько можно ждать-то? Я покажу тебе «извините». В доме твоего дяди такие шуточки ни над кем не пройдут!

Девочка вжимает голову в плечи. Честное слово, Элла и не думала измываться над Марфой Ильиничной, но так уж получилось!

Покраснев с головы до ног, девочка быстро-быстро кидает в сумку вещи. Пару сиреневых носок забывает в комод. Рваные колготки запихивает в сумку, а новые бросает в мусорное ведро, поздно спохватившись, всплёскивает руками и, ещё больше заливаясь краской, под суровым взглядом Мар-

фы Ильиничны меняет их местами. Наконец, дело доходит и до Тошки. Элла ласково обнимает его и пытается посадить в ненавистную клетку-переноску, но кот бунтует, с размаху царапает Эллу и забивается под кровать. От тяжелого вздоха новой опекунши девочке не по себе. Она скорее ложится на живот и протягивает руки к рыжему беглецу, но тот лишь шипит.

– Ну, что же ты, Тошенька?

У подъезда тормозит неприметная серая иномарка.

– Всё. Закончили. Нам пора, – последнее Марфа Ильинична произносит с явным облегчением.

– Но мой кот! – отчаянно незадачливая хозяйка ещё чуть-чуть заползает под низкую кровать и кончиками пальцев достаёт зверя, но тот переступает через руки и прячется в другом углу, нагло сверкнув глазищами.

– Никаких котов. Поехали.

Марфа Ильинична резко выдёргивает Эллу из-под кровати, вручает ей чемодан и за свободную руку вытаскивает из квартиры. Последний, полный горечи и надежды взгляд, но кот и не думает мчаться следом.

Сын Демидовых тут же с облегчением задвигает засов. Слава богу, наконец-то, ушли. Только вот котяру оставили. С ним квартиру сдать будет сложнее. Ну, не беда! Скажем, на ближайшей помойке места хватит, да и пейзажи, ароматы там вполне кошачьи.

Эллу, как мешок с картошкой, усаживают на заднее сиде-

нье. От обиды ей хочется расплакаться, но она боится схлопотать ещё рассерженных вскриков Марфы Ильиничны.

Шофёр поправляет зеркало, чтобы взглянуть на пассажирку, и возвращает на место. Элла замечает только его гладко выбритый подбородок, похожий на острый колышек. Марфа Ильинична, кряхтя и вздыхая, влезает в машину.

– Путь предстоит неблизкий. Укройся пледом и спи.

Эллу дважды просить не требуется. Переживать потерю Тошки, единственного друга, хочется в слезливом одиночестве обивки заднего сиденья.

«Я непременно тебя найду».

Марфа Ильинична тоже дремлет, и потому дорога предстоит без разговоров и скучная. А выяснять что-либо о дяде не хочется. Если ей не разрешили забрать кота, то что хорошего можно ожидать от неожиданной семьи? Наверняка, у них даже библиотеки нет. Ни одной книги. Ни одной чужой воображаемой жизни.

Элла кутается в плед с головой и проваливается в сон.

Приезжают вечером. Вокруг тишина, точно в глуши. Элла сонно потягивается и выбирается из машины.

Десятки фонарей-тыкв вырывают из мрака ночи чёрный трёхэтажный особняк на холме. Заострённая, похожая на шпиль крыша, несколько едва различимых в темноте флюгеров и блестящих громоотводов. Стену дома обвивают тыквенные стебли с намечающимися завязями. В окнах горят свечи в выдолбленных из тыкв подсвечниках, как в Канун

Дня Всех Святых. Из каминной трубы валит густой дым и заслоняет звёзды сизым полотном.

Водитель встаскивает девичий чемодан на скрипучее крыльцо.

– Всё. До встречи. Удачи, юная Норкина.

Садится в машину и уезжает.

Холодная и костлявая рука Марфы Ильиничны опускается на плечо Эллы.

– Это твой новый дом, Элла.

Девочка вздрагивает и оборачивается на домоправительницу. В свете высокого газового фонаря и дымки звёзд Марфа Ильинична резко напоминает Бабу Ягу: с изогнутым зигзагом носом, густыми бровями и злым огоньком в глазах. Элла моргает, и видение рассеивается. Перед юной мечтательницей вновь лишь старая уставшая женщина.

Экономка провожает Эллу в спальню на втором этаже. Света не зажигает, и они всё время двигаются в полутьме, что сверкает десятками зелёных глаз. Элла подпрыгивает и тихонько взвизгивает, когда нечто пушистое ударяет её по ноге. Марфа Ильинична шикает.

В сумраке Элла нащупывает кровать и садится, сбрасывает старенькие замшевые ботинки. От них ужасно устают ноги: малы становятся. Элла давно решила их оставить у подъезда, чтобы нуждающиеся забрали, но так и не успела. А покидая квартиру Демидовых, так торопилась, что случайно всунула ноги в не ту обувь и страдала всю дорогу от машины

до спальни. Какое блаженство их снять!

Элла падает на подушку.

– Завтрак в восемь, – Марфа Ильинична заводит будильник и опускает на тёмный куб-тумбочку. – Постарайся не опаздывать. Спустишься на первый этаж, налево, потом направо, красная дверь. Не заблудись и не беспокой своего дядю.

За окном виднеется серебристое блюдце озера, тонущее в мороке ночи. На берегу будто танцуют длинноволосые утопленницы, заходятся в задорном хохоте и прыгают в воду, взрывая туман сотней брызг.

Не раздеваясь, Элла ложится спать.

Глава 3

Утром солнечные лучи застенчиво пробиваются через тюль. И при свете Элла лучше разглядывает спальню. Здесь нет ни проклятой прялки, ни заколдованного зеркала, ни даже россыпи цветов. Словом, на первый взгляд, увы, самая обычная комната.

Но приглядевшись....

Кровать без ножек искусно подвешена тросами к потолку подобно качелями, и сверху спускается плотная ткань для штор, которую ночью Элла приняла за полог. Но кто-то просто не догадался, что шторы вешаются на окна.

«Точно из странной сказки!»

Письменный стол намертво прибит гвоздями к стене. От кресла к полу тянется метровый канат, чуть потёртый по середине, точно его пытались перегрызть. Книги, настольные часы, горшок с розовыми фиалками, даже ручки и карандаши золотыми цепочками с крючками крепятся к стенам, столам и полкам. Кто бы раньше не жил в этой комнате, но, наверное, доставлял хозяевам много хлопот.

«Точно из страшной сказки».

Элла соскакивает с постели и чувствует себя необычайно лёгкой, почти невесомой. Ноги буквально сами отрываются от пола. И чуть подпрыгнув, девочка восторженно зависает в воздухе. По ступням дует лёгкий ветерок.

– Класс! – Элла делает три резких поворота на цыпочках, воображая себя балериной, и на несколько секунд вокруг неё поднимается воздушный вихрь, но тут же пропадает, как только юная фигуристка замирает.

Проверив, не упадут ли шторы-полог, Элла отодвигает в сторону тюль и забирается на подоконник, прямо как дома у Демидовых. И, как обычно, прислоняется к стене, подгибает под себя правую ногу. Что ж, вполне привычно. Жить можно!

За высоким кованым забором колышется пшеница. И в поле уже поют крестьяне-работяги из деревянных избышек на окраине. А лес – голубые ели, точно нарисованные небом, щетинятся острыми макушками. Но озера, которое примерещилось в ночи, нет.

Элла лишь пожимает плечами. Может, и в самом деле показалось. А жаль, она-то уж губу раскатала и думала с русалками познакомиться, вместе поплескаться и посмеяться! Впрочем, русалки, говорят, хитры и коварны. Как знать чего от них ожидать?

Фантазёрка скользит к шкафу, где в дальнем углу висит её одежда, но половины не хватает. Кто-то пробрался в спальню ночью и тихонько при свете луны прикарманил любимые джинсы с дыркой на коленях и футболки с выцветшими киногероями. И вместо них заполнил шкаф чёрными, серыми, тёмно-синими и болотно-зелёными (самыми нудными оттенками!) сарафанами, да ещё добавил белых блузок с

ажурными манжетами и строгие рубашки. На верхней полке лежит нижнее бельё и колготки, такие же скучные: белые и серые. Без единого яркого пятна.

«Наверное, меня хотят однообразием уморить».

Для первого выхода лучше надеть то, что приготовили хозяйка дома.

Когда гостье остаётся лишь две ступени до первого этажа, с третьего долетает испуганный визг и взрывная музыка бьющегося стекла. Без лишних раздумий Элла опрометью бежит по лестнице наверх. Вдруг кому-то нужна помощь? Мушкетёры в беде не бросают!

На третьем темно: ни одной лампы, ни одного огарка свечи. Только из оконца в конце коридора застенчиво пробивается дневной свет. Неужели для домочадцев освещение – это сказка для запугивания детей?

В полумраке Элла замечает приоткрытую дверь и осторожно заглядывает.

На полу в кругу осколков чашек сидит девушка лет семнадцати. Высокая причёска светлых кудрей растрёпана, пышное кукольное платье измято, бархатная туфелька отброшена в угол. Как принцесса, отчаявшаяся дожидаться принца! В её тёмно-синих глазах дрожат слёзы. Один хрусталик срывается, скатывается по щеке, падает на атласную юбку и, как мячик, отскакивает и катится к ногам Эллы, осторожно обходит её и неторопливо устремляется прочь.

– Я могу помочь? – нерешительно интересуется Элла.

Девушка-куколка всхлипывает.

– Разве что переоблачишься в меня и сдашь экзамен по левитированию предметов. Эти чашки меня совершенно не слушаются!

Элла удивлённо хлопает глазами и опускается на пол рядом с новой знакомой. Нет, та не выглядит сумасшедшей, скорее так раздосадована, что шутки у неё выходят несмешными. Во всяком случае, математичка в школе уж куда более чокнутая дама, но ведь не опасна же!

– Прости, что ты пыталась сделать?

Незнакомка шмыгает носом и рукой печально обводит осколки.

– Я должна заставить чашки танцевать в воздухе, но они падают и разбиваются на первом же па. Уже устала их всякий раз склеивать. Ладно. Попробую ещё сотню раз.

Хлюпает носом и вытирается платком, затем, нервно скомкав его, бросает в дальний угол.

– Тебя как звать, чернушка зелёноглазая?

– Элла, — протягивает руку, и странная девушка слабо пожимает её кончиками пальцев.

– Дантесса.

– Необычное имя.

– Это в честь Эдмона Дантеса.

– Твоим родителям он нравится?

Дантесса пожимает плечами.

– Откуда мне знать? У меня, в общем-то, нет родителей.

Только книга...

Но договорить ей не удаётся.

– А-а-а! – пронзительный визг разрывает пространство. От неожиданности Элла подскакивает и, зажав уши, оборачивается.

За её спиной стоит растрёпанный призрак: белая-пребелая кожа, огненно-красные глаза навыкате, раскрытые пухлые губы, точно ужаленные осами. И кошки.

До невообразимости много кошек.

Повсюду: в медных волосах девицы, на тонких руках с синими венами, в складках измятого бального платья. Кошки ластятся, довольно урчат, трутся о ноги, путаются в волосах. Они выются вокруг неё как пыль, совершенно невесомые, почти не существующие, как призраки, то появляются, то исчезают. Кошки – они точно, непослушный узор гранатовых косточек, словно кто-то разорвал ожерелье, и теперь ветер незатейливо перебрасывает бусины с места на место.

И прежде чем Элла осознает, реальность ли это или обман зрения, её оглушает вопль.

– А-а-а! – надывается незнакомка и заходится в сухом кашле.

Серый кот спрыгивает с её рук и бросается на Эллу. Царапает, бьёт когтями по ногам, точно обезумивший дракон. Девочка, тихо повизгивая, вскакивает и бежит прочь, на первый этаж, едва не споткнувшись на лестнице. Кот устремляется за ней и пытается ухватить за пятку, самое лакомое для

котов место.

– Ещё увидимся! – бросает ей Дантесса. Неуверенно машет рукой и обречённо, устало вздыхает.

Внизу Элли уже ловит разгневанная Марфа Ильинична. Сегодня она подвязала волосы красным платком в белый горошек, что сделало бы её облик более добродушным, если бы не суровый взор поверх огромных очков на кривом носу.

– Так-так. Ты поднималась наверх?

– Нет, Марфа Ильинична, – Элла с трудом дышит и оглядывается. Погони, слава богу, нет, свирепый кот где-то отстал. Ещё удастся выкрутиться!

Экономка смеряет шалунью недовольным взглядом, точно злая мачеха, разочарованная безупречностью золушки.

– Твоему дяде, Марку Андреевичу, очень не понравится, если ты будешь шуметь и гулять где нельзя. Ты хорошо поняла?

– Да, сударыня, – Элла виновато опускает голову. Не больно-то и хочется вновь встречаться с сумасшедшими девицами: одна чашками танцует, другая носится с кошками как изрыгающий пламя дракон.

– За непослушание у нас принято наказывать. После завтрака помоешь посуду.

– Хорошо.

Ну что сложного и ужасного может быть в мытье посуды? Вот Демидовы один раз по-настоящему хорошо наказали! Элла тогда после школы решила прогуляться по мага-

знам, выбрать классной руководительнице подарок на день учителя, и никому и слова не сказала. А Демидовы напрасно ожидали её к обеду. Выбранный Эллой магазинчик оказался закрыт, и глупышка несколько часов, пока не стемнело, окопачивалась у витрины и разглядывала статуэтки ангелочков. Очень хотелось купить того с позолоченными крылышками. На двери не висело таблички «закрыто», и Элла надеялась, что продавщица вот-вот вернётся. Ещё пять минуточек – и обязательно. Так и простояла, пока сзади к ней не подкралась Демидова и не заехала ладонью по шапке.

«Вот негодяйка! Где ты носишься? Мы уже весь район на уши подняли! Как так можно, неблагодарная?»

Эллу безжалостно наказали: отобрали все книги и запретили читать целых две недели. А то эти книжонки ей совсем мозг убили! Думать разучилась самостоятельно! Несчастливая, она сутками маялась, наблюдая за тем, как танцуют осенние листья, как капли дождя наперегонки стекают по стеклу и как голубь на подоконнике сосредоточенно чистит перья.

Ну, разве после такого какое-то мытьё посуды может её испугать?

Кухня – тесная комнатуха. В ближнем к двери углу – небольшой стол, накрытый поеденной молью скатертью. Тарелка остывающей каши и тёплый чай с миндальным пирожным. Вдоль стен – две раковины, три плиты по четыре конфорки каждая, несколько разделочных столов, над которы-

ми висят сушилка и полки с крупами и приправами.

Элла наскоро съедает завтрак и принимается за посуду. Увы, из крана течёт лишь холодная вода, и полотенца для рук нет. Девчонка брезгливо стряхивает руками и расставляет посуду в сушилку над раковиной. Скорее бы! Пальцы уже окоченели. Со стороны Марфы Ильиничны отключить горячую воду – очень коварно. Впрочем, может, дела господина Норкина идут неважно, и семья вынуждена экономить? Ура! Последняя тарелка.

– Ах!

На столе вновь высится гора немытой посуды. Тут и чашки с прилипшими кусочками размокшего печенья, и тарелки, обильно смазанные мерзким на вид соусом, и просто жирные сковородки и кастрюльки с пенкой от бульона, которая подозрительно похожа на грибковый нарост.

– Откуда?

Терпеливо, стиснув зубы, Элла моет и эту посуду, и вновь – на столе волшебным образом возникает новая партия, даже попадаются стаканы, в которые заботливо напихали огрызки яблок и использованные салфетки с отпечатками помады. Ну что за манеры! Любимые опекуны этого бы не одобрили, но, увы, их здесь нет, чтобы разразиться грозной тирадой.

– Как такое возможно? Никто же не входил!

Элла опускается на корточки и заглядывает под стол в поисках какого-нибудь люка или подъемного механизма, но находит лишь тонкую брошюру.

«Грязная посуда всех времён».

И перед глазами наказанной предстают страницы нелицеприятных описаний, вырванных из романов, а может, и сочинённых кем-то из домочадцев. Первая исписана бисерным почерком.

«После мытья посуду надлежит складывать в сушилку, чтобы с неё стекла вода. В это время на столе появляется следующая партия грязной посуды. Как только новую приносят в раковину, из сушилки пропадает предыдущая, и место освобождается. Так продолжается двадцать девять раз, пока не иссякнет запас грязной посуды для провинившегося негодника...»

Элла читает детальное описание узоров грязи на фарфоровых тарелочках, количество засохших пятен рагу, масла, соуса. Упомянуты даже отколотые края блюдца! Педант, потративший вечера на сей монументальный труд, небось, сгорел от гордости!

– Что ты делаешь под столом? Посуда ждёт. Ты вынуждаешь меня возложить на тебя ещё одно наказание!

Марфа Ильинична. Кто ещё это может быть? Упёрла руки в бока и смотрит коршуном. Вновь похожа на Бабу-Ягу. Сейчас, чего доброго, опоит мёртвой водой и в печь засунет.

– Извините, — провинившаяся девчонка быстро возвращается к раковине.

В кухне-подвале нет ни часов, ни окон, и Элла не следит за временем. Молча моет посуду и пикнуть боится. Ноги бо-

лят. Онемевшие от холода пальцы едва сгибаются. Кожа потрескалась от моющего средства, хочется поскорее вырваться из этого кошмара и намазать руки кремом.

«Ах, да я ведь забыла его в Москве! – всхлипывает Элла. – Вряд ли Марфа Ильинична станет мне помогать».

Незадолго до ужина Элла с облегчением запихивает в сушилку последнюю тарелку. Оборачивается – слава богу, ни одной грязной посуды в очереди на водные процедуры! Наконец-то, можно отдохнуть!

«Интересно, безопасно ли сейчас спросить о Тошке или меня снова накажут? С другой стороны, у той же девочки с третьего полно кошек! Почему же мне нельзя? Подумаешь, на одну кошку больше».

Эллу передёргивает от неприятного воспоминания. Лучше держаться от чокнутой кошатницы подальше и не упоминать о ней, не будить лихо.

– Тебе понравилось мыть посуду? – низкий мужской голос. В том углу, где раньше был исцарапанный разделочный стол, теперь большая белая печь. Приятно трещит огонь, валит жар. На лежаке сидит маленький, не более метра ростом, мужчина, гном, с длинной густой бородой цвета каштанов, неожиданно напوماженными бакенбардами и пенсне на медной цепочке.

Элла замирает в недоумении.

– Я спросил, понравилось ли тебе мыть посуду? – вкрадчиво повторяет незнакомец и почёсывает локоть, пробур-

чав. – Свитер колется, зараза.

– Нет.

– «Нет»? – мужчина удивлённо поднимает бровь и забывает о шерстяном недуге. – Всего лишь «нет»? Разве тебя не научили манерам?

– Простите, но о каких манерах идёт речь?

Мужчина хмурится.

– Стоит говорить «нет, сударь» и «о каких манерах идёт речь, сударь». Ты поняла, необразованная девочка?

– Да, сударь.

– То-то же, – сладко улыбается. – Иди и переоденься. Затем спускайся в гостиную. Познакомишься с семьёй.

Вернувшись в спальню, Элла вновь подпрыгивает и зависает в воздухе. Осторожно шагает, боясь провалиться. К ужину первого знакомства хочется одеться с особой тщательностью. Элла выбирает несколько сарафанов: длинный, почти в пол, чёрный с серебристым узором на бретельках; тёмно-синий с вышитым на груди орлом и зелёный с аккуратным чёрным кружевом. Сарафаны Элла бросает на кровать и ищет подходящую блузку. И найдя, оборачивается и ахает.

Сарафаны в снопе искр кружат под потолком. Элла пытается схватить одежду, но платья проскальзывают меж пальцев и, как непослушные котята, отбегают в другой угол. Элла прыгает и прыгает, и, наконец, цепляет край чёрного кружева. В руках у неё оказывается тёмно-изумрудный сарафан.

Надев с трудом добытые блузку и сарафан, Элла совершенно забывает поменять колготки и так и спускается с пыльными пятнами на коленках. Марфа Ильинична будет на седьмом небе от счастья, если заметит!

К гостиной ведёт тёмный, как глубокая пещера, коридор. Он начинается справа от лестницы и заканчивается ярким пятном света, единственному ориентиру. Элле кажется, что невидимая паутина опутывает её, цепляется за волосы и лезет в глаза. Поэтому из коридора девочка вываливается в нелепой позе, размахивая руками и отдирая липкую сеть.

Марфа Ильинична хмыкает. Сумасшедшая девица с длинными кошачьими волосами громко хохочет. И лишь Дантесса сохраняет спокойствие. Остальные же, неизвестные мужчины и женщины, человек восемь, смотрят на Эллу с осуждением. Кому нужен ещё один непослушный ребёнок, когда в доме и так бардак?

– Ты опоздала, – Марфа Ильинична стискивает тонкие губы и надувает щёки так, будто вот-вот лопнет.

– Извините, сударыня.

Вновь хмыканье и смех чокнутой кошатницы.

– Садись. Полагаю, с Дантессой и Хельгой ты уже знакома.

Элла молча садится напротив, улыбается девушкам и поддвигает к себе тарелку.

– Матильда Андреевна Норкина, – представляется женщина рядом с Эллой. У неё впалые тёмно-синие, как морской котлован, глаза, глубокие синяки и седые, точно иней,

виски.

– Моя тётя?

– Предпочитаю быть Матильдой Андреевной, – голос у неё сухой, скрипучий.

– Это Фредерик Андреевич, – кивает на коренастого мужчину в огромных очках-окулярах. – Он совсем плохо видит. Это всё из-за того, что с драконами много времени проводит. Пепел глаза засоряет.

– О, понятно, – поддакивает Элла и исподтишка оглядывается: куда бежать? Драконы, окуляры, кошки в волосах. То ли Элла сходит с ума, спит и видит странные сны, то ли... Но это, конечно же, всё во сне мерещится. Не бывает летающих сарафанов, драконов и тыквенных домиков.

Тётя Матильда перечисляет родственников, но Элла почти не слушает её. Всё ждёт, когда случайный звонок телефона прервёт странный сон.

Потайная дверь в углу, замаскированная картиной, тихо отворяется, и в щель просовывается голова с напыженными бакенбардами.

– Господин Норкин сегодня не спустится ужинать. Опять гарпия.

Элла чувствует и облегчение, и разочарование. С одной стороны, ей очень бы хотелось увидеть дядю. С другой стороны, он наверняка такой же странный и неприятный тип, как и другие члены семьи. Хотя Дантесса кажется вполне адекватной особой, несмотря на болтовню о левитации. Она си-

дит, чуть скривившись, как все обычные подростки, в противовес гордым, неестественно прямым тёткам. Хельга и во все взобралась на стул с ногами, согнула перед собой колени и уныло ковыряет вилкой, которую вот-вот выронит. Элла чувствует, как напрягается тётя Матильда, стоит ей пересечься взглядом с кем-то из девушек. Особенно её раздражает Хельга, которая теперь отковыривает кусочки курицы и складывает узоры по краям тарелки. Впрочем, Элла не уверена, что на лице тётки отражается именно раздражение, может, то брезгливость и сожаление?

Ужинают при свечах, и в углах играют мрачные тени. Чу-чело филина над камином будто следит за каждым движением Эллы, так что девочке безумно хочется накинуть мантию-невидимку!

Когда трапеза окончена, домовой – тот самый, с бакенбардами и любитель сидеть на печке – убирает тарелки, подмигивает Элле и исчезает. Интересно, кто будет мыть посуду?

Дантесса с фарфоровым чайником обходит стол и разливает крепкий чай с запахом малины. И вдыхая этот аромат, Элла вдруг думает, что возможно, этот дома – не самое плохое место. Разве в скверных местах подают такой замечательный чай?

– У тебя, наверное, много вопросов, Элла? – спрашивает кузина, останавливаясь рядом.

– Как в таком маленьком чайнике помещается столько воды?

– Как? Ну, так было всегда, – смущённо отвечает Дантесса. – Не знаю, как тебе объяснить. Скажи ещё, что ты о скатерти-самобранке не слышала.

Марфа Ильинична стучит чёрными ногтями по столешнице, отбивая марш суровости. Элла виновато опускает взгляд. Кажется, она спросила нечто такое, что знают и младенцы, и букашки.

– Дантесса, почему бы тебе не уложить Хельгу спать? — размеренно произносит экономка. — У неё сегодня выдался переполненный впечатлениями день. Согласись, ей это вредно. Пусть хорошенько выспится.

Белокурая девушка обречённо смотрит на сумасшедшую. Та вытащила из ивовых зарослей волос рыжего кота и теперь плетёт ему ошейник-косу из волос, а несчастный зверь жалобными глазами взирает на собравшихся и неуверенно мяукает.

– Мы ещё не пили чай, госпожа Марфа Ильинична.

– Дорогая Дантесса, ты, кажется, забываешь своё место, – резко огрызается тётя Матильда. – Иди. Чаевничать будешь в другой раз.

Девушка печально кивает и передаёт чайник тётке.

– Пойдём, Хельга.

Дантесса поднимает кошатницу как пушинку и за руку уводит.

Элле стыдно. Неужели это всё из-за её дурацкого вопроса о чайнике? Бедная Дантесса, она кажется такой милой. Ин-

тересно, за что её недолюбливают?

– Знаешь, Элла, – тихо произносит Марфа Ильинична, пронизывая взглядом огонёк свечи, – я была против твоего появления в доме. Но слово барина есть слово барина. Я не могла ничего сделать, а теперь... Теперь из-за тебя над нами всеми висит дамоклов меч. И эта распроклятая гарпия, чёрная птица, будет приходить за тобой и приходить, пока не отберёт. И нам нервы трепать!

Элле страшно. Взгляд экономки стеклянный, мёртвый. Хочется встать и бежать прочь, но Элла, точно жертва на заклинание, прилипает к стулу. Рядом с ней тётя Матильда фыркает:

– Да уж, своих проблем у нас мало было...

– Ну, чего вы в самом деле-то? – рядом с мужчиной в окулярах сидит старик с заплетённой в косу бородой. Кажется, его зовут Фридрих и он очень дальний родственник. – Зачем вы пугаете девочку, акулы ненасытные? Нет своих детей – так нечего чужих травмировать.

И тут же осекается, поджимает губы, опускает взор. Минут на пять в гостиной воцаряется гнетущая тишина. Элла вглядывается в лица родственников, пытается прочесть тайну. Марфа Ильинична – мрачна, похожа на змею, которая выбирает удачный момент для прыжка. Мужчина с очулярами смотрит вниз, старик Фридрих виновато теребит бороду. Тётя Матильда медленно и глубоко дышит, едва слышно считает до десяти. Остальные Норкины, имена которых Эл-

ла не запомнила, хмуро молчат и гипнотизируют чашки. У морщинистой старухи дрожат руки, мужчина с проседью в неожиданно рыжих волосах теревит часы, двое седых близнецов исподлобья поглядывают на Матильду, ожидая когда солнце сменит бурю. От этого всеобщего выжидательного стыда Элле не по себе.

С улицы доносится пронзительный крик, крик отчаяния и боли. Марфа Ильинична вздрагивает и почти бегом уходит.

– Жди здесь и не смей ничего трогать, – грозит Элле пальчиком тётя Матильда и, путаясь в длинной юбке из синего бархата, спешит за домоправительницей. Остальные Норкины лениво отодвигают стулья и покорно следуют за тёткой.

Элла остаётся в одиночестве. Пить чай не хочется, пусть остывает. От вида пирожков тошнит.

– Ну и семейка же мне досталась.

На улице раздаётся ещё несколько возгласов, и наступает подозрительная тяжёлая тишина. Слышно, как тикают часы. На мягких лапах пробегает бело-чёрный пушистый кот. Он замирает посреди гостиной, тревожно оглядывается на Эллу, разок мяукает и семенит прочь, исчезая под тумбочкой.

Решив, что оттуда кот не мог далеко уйти, Элла встаёт на колени и заглядывает под тумбочку. Может, игра с ним скрасит ожидание? Но под тумбочкой ничего: ни кота, ни тайного хода, ни малюсенькой двери как в сказке об Алисе. Ничего. Даже пыли. Наверное, хозяйственный домовый регулярно вычищает все углы.

Приглядевшись, Элла вдруг замечает разбухшую книгу в кожаном переплёте. Она неожиданно проявляется на ковре, как секретное послание, написанное лимонным соком. И Элла готова поклясться: листы шевелятся, чуть приподнимая тяжёлый переплёт.

Девочка вытаскивает фолиант. На каждой странице вместо букв – чернильные кошачьи следы, побольше, поменьше, с когтями и без. Элла проводит рукой по шершавой бумаге. Вдруг книга взвивается, выпрыгивает из рук и зверем шипит и клацает зубами. В ужасе любопытная Варвара падает и отползает в сторону, а ожившая чертовка выпускает мягкие кошачьи лапы и возвращается под тумбочку.

– Какой ужасный механизм, – бурчит Элла. – Наверное, мой дядя чокнутый профессор. А эта Хельга, небось, его лучшая ученица. Жаль, что они не разрешили мне Тошку взять. Ему бы тут понравилось.

Немного отдышавшись, Элла рискует изучить шкафы, плотно заставленные книгами, точно гранатовыми косточками. На большинстве корешков нет названий: они стёрлись из-за частых прикосновений. Вон, кое-где даже уголки порваны. Должно быть, у библиотеки есть постоянный гость.

Наконец, Элла находит книгу, на переплёте которой позолотой нанесено «Пепелище». Без автора. Девочка хмурится, пытаясь вспомнить автора. Нет, она определённо о таком не слышала. Может, что-то из современной прозы?

Элла пробует открыть книгу, но та неожиданно – на замке.

– Есть ли ключик?

Элла встаёт на цыпочки, опирается о полку и внимательно осматривает. В глубине, как раз на том месте, где стояла книга, девочка замечает маленькой золотой ключик, точно созданный для Дюймовочки. Недолго раздумывая, жадная до приключений, девчонка отпирает замок и раскрывает книгу на середине.

Пустые желтоватые страницы.

Перелистав на начало, Элла читает.

«Много лет на месте Пепелища находился прекрасный сад, равных которому не было ни в воображаемом мире, ни в реальном мире

Деревья цвели круглый год, а когда приходило время завязываться плодам, белые листья опадали снегопадом, и дети ловили их разинутыми от восторга ртами, и сразу же белым и розовым расцветали другие деревья. И круглый год здесь царили лишь счастье и покой.

Но был в самом сердце сада один изъян: огромный обрубок покорёженного черного дерева. Много раз его пытались выкорчевать, но корни так глубоко уходили в землю, что нечего было и надеяться.

Тогда первый воображающий приказал посадить вокруг уродливого пня тыквы. И когда те выросли, то побегами полностью скрыли страшный обрубок. И спрятал воображающий в этих зарослях книгу воображения, ибо надеялся, что там никто её искать не вздумает. Оплели её тыквенные стеб-

ли и скрыли под собой.

И после этого три королевства: Книжное, Тридевятое и Боярышниковое – выбрали сад местом для своих торжеств и вскоре решили провести там турнир лучников. Гости веселились в тени цветущих деревьев, мёд-пиво пили, а ловкие воины потешали их своим умением.

Но вот незадача: двое лучников, самых метких, по силе равны. Как выбрать победителя?

Стали спорить, кому приз вручить: тридевятому или книжному лучнику. И затянулся спор до позднего вечера. И видя, что решение никак не находится, а гости истомились, принцесса Лукреция, дочь Боярышникового короля, предложила:

«Пусть победителем станет тот, кто попадёт в вишенку на моей голове».

Отец принцессы противился сему, но дочь уговорила его, да и придворные жаждали зрелища перед сном.

Книжный лучник промахнулся и попал в дерево за спиной принцессы, побоявшись иначе навлечь на себя гнев правителя Боярышникового царства. Стрела его угодила в тыквенные заросли. Те жалостливо будто бы взвизгнули, но никто не обратил внимания.

А тридевятому лучнику, возлюбленному принцессы, оставалось если не сбить сладкую ягоду на голове прекрасной Лукреции, то хотя бы не так отклониться от цели, как соперник.

Он натянул тетиву и уже разжимал пальцы, чтобы спустить её. Но тут зашевелились тыквенные стебли, поднялись в воздух на небывалую высоту и, устремившись к тридевятику, ударили его по руке. И стрела его, выпущенная дрогнувшей рукой, пронзила принцессу, и та упала бездыханной.

В отчаянии тридевятый лучник проклял сад, книгу, спрятанную в тыквенных зарослях и всех воображающих, а меж тремя царствами разразилась война на сотню лет, и после её окончания королевства уж больше не дружили. А от прекрасного сада осталась лишь пепельная пустошь и неизгладимая ненависть меж тремя королевствами».

Тут буквы пускаются в пляс, кружатся в причудливом хороводе. Слова распадаются, задорно перепрыгивают друг через друга и складываются заново:

«Чёрная птица, женщина-ворон, стремглав, проносится над полем. Пращники тридевятого царства селятся сбить её, но она уклоняется и лишь отвлекает воинов, пока её меткие боярышниковые лучники прицеливаются. И битва идёт не на жизнь, а на смерть, переполненная криками, звуками боевых горнов и свистом летящих снарядов».

У Эллы подкашиваются ноги и предательски кружится голова. Тошнота накатывает, точь-в-точь как при катании на быстрой карусели, что не может остановиться. От резкого толчка девочка падает, и книга, чмокнув страницами, засасывает её.

Глава 4

Элла растерянно приподнимается, но как тут же испуганно жмётся к земле. Сердце взволнованно бьётся. Саднит ушибленный локоть. Хочется осмотреть рану, но нет – поднести к глазам руку мешает змея колючей проволоки. Стоит двинуться – царапает. Лучше уж затаиться, переждать.

Вокруг свистит и ревёт война, изрыгая камни из пращей и огненные стрелы из тугих луков. Чуть оторвав голову от земли, Элла оглядывается. Взрывы и крики оглушают, страх сбивает с толку.

Она – пленница колючей паутины, похожей на тюремную решётку, как раз меж двух воюющих сторон. Справа – ежи. Слева из-за баррикад стреляют лучники, над ними реет белоснежный флаг с красными, как кровь, плодами боярышника.

Над головой Эллы раздаётся пронзительный крик. Извернувшись, заключённая в тиски видит над собой полуптицу-получеловека: женщину, чьё тело покрывают чёрные перья, с огромными орлиными крыльями. И глаза её точно изумруды в лучах багрового заката.

Она вьётся над Эллой, легко уклоняется от камней горячей смолы, словно наперёд знает историю их полёта.

Она кружит и кружит над Эллой, выискивая мгновение, чтобы подобраться ближе. Элла съедивается, припадает к

земле. Страх парализует.

«Уходи», – шепчет девочка.

Хочется закрыть глаза, а, открыв, проснуться дома, в кровати, подвешенной к потолку.

– Гарпия! – кричит кто-то под флагом боярышника. – Защищайте гарпию! Она вернулась!

Женщина-птица набрасывается на колючую заслонку и рвёт её когтями, корябает руки о шипы, брызжет кровью и тянется к жертве.

И когда когтистые пальцы гарпии уже близко, Элла разбивает сковавший её лёд страха и ползёт прочь, путается в проволоке и царапает шею, пока волосы окончательно не обматываются вокруг металлических стеблей. Элла замирает и, кое-как повернув голову, в ужасе смотрит на птицу. Радость мелькает в её багрово-зелёных глазах.

– Прочь! – гарпию отбрасывает в сторону мощный удар камнем.

Рассекая проволоку, пробивается широкоплечий воин. Он сбросил доспехи, чтобы те не сковывали движений, и теперь, защищённый лишь хлопокой рубахой да кожаными штанами, схлестнулся в рукопашную с птицей. Он ловко молотит её кулаками и совершенно не замечает, как шипы проволоки впиваются в тело. Птица же целится в глаза, коварно жаждет ослепить противника, но неизменно промахивается. Наконец, после очередного удара чёрная женщина взывает от боли и улетает прочь.

Богатырь разрывает колючую проволоку и, как пушинку, подхватывает Эллу. Спасённой сразу же становится легко и спокойно, точно она дома, и больше нет ни тревог, ни забот.

– Разве Марфа Ильинична не говорила тебе ничего не трогать? Пойдём.

Воин относит Эллу в тридевятый лагерь, где после славной битвы лучники пересчитывают оставшиеся для следующего боя стрелы, пращники спешат к кузнецам, а конники залечивают раны своих храбрых и верных коней. Над тылом вьётся сизый дымок: готовят похлёбки.

Перед великим воином и его драгоценной ношей все расступаются, снимают шапки и шлемы, стражники отдают честь и, сильнее выпрямляются, точно хвастаясь своей статью.

В сером шатре богатырь опускает Эллу на мягкую подушку и наливает чай в железный стакан.

Тут уютно, хотя повсюду и висят мечи, рапиры, дубинки с острыми шипами, тяжёлые булавы и острые стилеты. В воздухе витает таинственный дух, будто накануне праздника. Чувствуется нечто особенное, словно вокруг и нет войны, а стоит высунуться наружу, как попадёшь в цирк или на карнавал.

– Почему ты послушалась Марфу Ильиничну? – богатырь говорит мягко. У него тёмные с зеленцой глаза. Шрам от поцелуя стрелы над левой бровью и шишечки мозолей на руках.

Элла пригубливает чай и, уняв дрожь, отвечает.

– Мне было скучно одной в гостиной, и я решила посмотреть книги. А кто вы? Вы – мой дядя?

Богатырь щурится, поглаживает светлую бороду.

– Да, Элла. Я – Марк Андреевич Норкин. Твой дядя.

Ну, наконец-то!

И не такой он страшный и отстранённый, как Элла думала. Даже немного смешон с огромной, точно львиной гривой, бородой. Богатырь...

– Как я сюда попала? И что это за место такое? Книга называлась «Пепелище». Это то самое Пепелище?

Богатырь усмехается и залпом поглощает весь напиток из носика чайника.

– Тебя, Элла, сюда привело любопытство. Ты права, это место зовётся Пепелищем. Но тебе не следует тут находиться. И я надеюсь, что впредь ты не будешь совать нос не в своё дело. Договорились?

Доносится шум далёкого взрыва, и драконий рык сотрясает шатёр. Дядя мрачнеет, и будто и его борода чуть темнеет. А Элла взволнованно оборачивается в сторону звука, словно оттуда и в самом деле может появиться крылатый змей.

– Допивай чай. Я отведу тебя домой. Марфе Ильиничне пригодится помощница.

– Марк Андреевич! – в шатёр заглядывает стрелец в сбившейся набок красной шапке. – Там проблема. Малой опять безобразничает.

Дядя Марк резко поднимается и, выходя из шатра, бросает Элле:

– И не смей уходить! Это военный лагерь, а не детская площадка.

В одиночестве Элла медленно допивает чай, чуть обжигающий нёбо. Голова вот-вот пойдёт кругом от переполняющих мыслей.

«Неужели я попала сюда через книгу? Она что же, как кроличья нора?».

Элла чувствует себя героиней одной из историй, прочитанных на подоконнике под размеренное мурлыканье Тошки. Неужели, неужели это всё по-настоящему?

Потусторонний мир, мир за книжным переплётом неумолимо манит к себе. Какой он? Примет ли в свои объятия или с силой оттолкнёт чужестранку?

Девочка отставляет стакан, расхрабрившись, приподнимает полы шатра и выглядывает наружу. Вдыхает волшебный книжный запах. Нет. Это порох и промоченные в спирте бинты для раненых. Ещё конский навоз. Ничего поэтического.

Оглядывается. Военные действия, похоже, закончились. В лагере лениво суетятся: латают легкораненых под их шутики-прибаутки, чинят прорехи, смеются и пьют мерзко пахнущую брагу из дубовых кружек.

– Ага, средневековый роман. Интересно, где же Айвенго?

Элла осторожно выбирается на улицу. Лучники слишком заняты игрой в кости и изготовлением стрел, чтобы заметить

её. Пращники бурно обсуждают снаряды. И незваная гостья, ловко избегая патрули, блуждает по лагерю в поисках дяди Марка. Несколько раз она чуть не попадает под копыта лошади, но в последнее мгновение ловкая рука отвлѣкшегося пажа перехватывает поводья, и мягкий голос шѣпотом успокаивает взволнованного коня. А Элла уходит прочь прежде, чем её отчитывают.

Группа хохочущих лучников окружает дядю-богатыря. Тот громоподобно кричит и гоняет по кругу взмыленного паренька лет пятнадцати.

– Паршивец! Ох, паршивец! – бьёт берѣзовым веником.

Мальчишка в остроносых красных сапогах, потрѣпанном кафтане и брюках ойкает и пытается уклониться от очередного удара.

– Сказал же тебе в тереме сидеть! Так что не сидится-то?!
Всѣ на рожон да на рожон лезешь, неугомный!

– Да как тут в тереме-то сидеть, коли повсюду война? Вдруг моя помощь пригодится! Сами ж говорили, что мои услуги неоценимы.

И вновь удары беспощадным веником и вскрики «ой» и «ай».

– Война тебе не игрушка. А ну пошѣл вон.

Финальный укус веника. Лучники расступаются, и из их гущи, как выстрел, выбегает красный, как рак, молодец, покрепче затягивая пояс на брюках. Подбежав к Элле, он рассуждает, что уж девчонку-то вояки не обидят, и, бесстыжий,

прячется за её спиной. Внезапно оказавшаяся в центре внимания, Элла замирает в испуге: встречается взглядом с хмурым дядей. Опять приказ нарушила, да ещё этот мальчишка её во что-то нехорошее втягивает.

– Между прочим, я, Марк Андреевич, сударь вы наш великолепный, богатырь вы наш первый, кое-что выведал о некоем военном союзе, заключаемом против Тридевятого царства. Что скажете? Нехило, да?

Дядя-богатырь недовольно переводит взгляд с племянницы на шпиона-озорника и обратно. Хмурит белёсые брови. Только детского сада не хватало!

– Сговорились вы что ли, меня сегодня огорчать? Не даёте отдохнуть на старости лет. Ну, Эрик, выкладывай, – упирает руки в боки, но веника не отбрасывает.

– А вот не скажу! – мальчишка точь-в-точь копирует движение полководца. – Вдруг опять побьёте. Знаю я вас!

Элла потихоньку отступает. Но хитрюга угадывает её манёвр и движется следом, пока Элла не доходит до глубокой траншеи. Не прыгать же вниз?! От дяди попадёт ещё больше. Вон он, коршуном за ней следит. Впрочем, может его борода и усы скрывают улыбку?

– Эрик, мне некогда играть в твои игры, – хмурится воин. – Жду обоих через десять минут в шатре.

И уходит прочь, звонко отдаёт приказы, оставляя после себя ряды солдат, вытянувшихся по струнке. Элла облегчённо вздыхает. Может, ещё пронесёт? Неохота вновь гору по-

суды перемывать.

– Уф-ф-ф, спасся, – юный любитель смути провокаций оттирает пот со лба.

– Молодец, – шипит Элла. – А меня-то за что в свою игру втянул?

– Ну, извините, сударыня-недотрога, на вас не написано, что вы верная соратница старого педанта и до жути терпеть не можете приключений.

Щёки Эллы вспыхивают как розы, кровь ударяет в голову. Это она-то приключений не любит! Да она все книжки прочла, какие смогла найти. Да она самый большущий любитель приключений. Почти до слёз обидно.

– Какой наглец! Ну и поделом тебе. Пусть дядя тебя ещё разок веником выпорот. Вот сейчас вернёмся в шатёр – пожалуюсь на тебя.

– А, так ты племянница? – спесь спадает с мальчишки, словно его окатили ведром холодной воды. Он с любопытством смотрит на Эллу, точно на диковинную зверушку. Его жадный взор пугает девчонку, и она пятится вдоль траншеи.

– Ты, правда, оттуда? – Впивается в Эллу взглядом голубых глаз, отбрасывает со лба светлую прядь вечно щекочущих волос.

– Откуда?

И чинно отвечает:

– Оттуда. Из мира, что по ту сторону воображения. Где в магазинах продаются книги о разных выдуманных событиях,

и их тьма тьмущая.

– Ну, наверное.

– Здорово! – глаза юноши по-детски загораются весёлым огоньком. – А я никогда не видел ни одной книги... художественной, — добавляет по слогам.

– Пожалуй, если будешь хорошо себя вести, то я как-нибудь принесу тебе книгу, – не подумав, бросает Элла. В Москве она очень любила делиться книгами, если просили. Правда, просили редко. Потому что, кроме кота-разбойника, друзей у Эллы не было, да никому и не хотелось ничего брать у странной девочки, которая могла идти в класс математики и по дороге бурчать себе под нос что-то об эльфах и гномах.

Но Эрика ничто не смущает.

– И к ней можно будет прикоснуться?

– И даже почитать, – улыбается Элла.

– Почитать? – парень в ужасе отшатывается и вертит пальцем у виска. – Почитать? Но это же очень опасно. Говорят, можно не вернуться. Никогда, – почти шёпотом.

– Не преувеличивай. Чтение, конечно, очень затягивает и порой оторваться сложно. Но в книгах нет ничего опасного. Поверь мне.

Элла немного кривит душой. После «Пепелища» она далеко не так уверена в книгах, как прежде. Но, может, это лишь действие пагубной атмосферы тыквенного дома, и в другом месте можно будет без опасений наслаждаться чтением?

– А ты много прочла? – спрашивает Эрик. Он уже оправился от шока и вновь превращается в чуть сурового, рассудительного юношу. Весь детский восторг сходит на нет.

– Ну, кое-что.

Элла врёт от смущения. Она прочла далеко не кое-что, а всю школьную библиотеку, а потом голодным зверем перекинулась на районную, брала даже сложные произведения вроде «Уиллиса» Джойса, правда, не прониклась и вернула, не пройдя и половины болота. «Я вернусь позже», – сказала она книге на прощанье. Элла наизусть знала добрую сотню сказок, почти все детские книги, а Пушкина могла часами читать по памяти.

– Здорово. Так, значит, дядя хочет, чтобы ты помогла ему на войне?

– Дядя пока ничего не говорил.

– Послушай, – Эрик оглядывается и берёт её за руку, – не соглашайся. Война – это очень опасно. Особенно для того, кто пришёл с той стороны книжного переплёта, то есть для таких невинных и ничего не знающих, как ты. Ты можешь погибнуть. Мои родители и старшие братья так погибли, хотя они были отсюда, из воображённого мира. Их засосали чернила...

Эрик готов рассказывать и рассказывать, сыпать холодящими душу подробностями, запугивая бедняжку Эллу, но его резко обрывает незаметно подкравшийся краснощёкий лучник.

– Эй, вы двое! Командир ожидает. Мне приказано вас проводить.

В шатре сидит дядя Марк, по-турецки скрестив ноги. И на фоне гиганта всё кажется игрушечным: и дымящийся железный чайник, и мечи, и стул. От богатыря за версту разит недовольством.

– Вы двое сильно меня разочаровали. Особенно ты, Элла, — сверкает глазами. — Я ожидал, что ты окажешься послушной девочкой. Скажи, к чему ты полезла на Пепелище? Думаешь, что войны – это забавно?

Элла виновато опускает взгляд. Она вовсе не желала поразить дядю своей хулиганистой натурой. Если бы только ей кто-нибудь объяснил, о каких войнах идёт речь и какие опасности поджидают на страницах книг! Она бы, конечно, вела себя как примерная девочка, послушно бы сидела в комнате летающих предметов и глазела на несуществующее озеро.

Дядя Марк отбрасывает одну из подушек, и под ней оказывается небольшой квадратный томик в тёмно-красном кожаном переплёте, чуть порванным по уголкам. И позолота с заглавия – «Книга переходов» – местами стёрлась.

– Открой двадцать вторую страницу и прочти, Элла.

Девочка, осторожно взяв книгу (как хорошо, что ты не кусается!), послушно исполняет просьбу-приказ.

«Раньше гостиная на первом этаже была зеркальным залом, где упражнялись в колдовстве. Но в середине двадцатого века во время войны взрыв бомбы безнадежно уничто-

жил все зеркала, и при реставрации решено было переоборудовать залу волшебства в гостиную, которая по праздникам служит и столовой.

Главным украшением комнаты является старинный камин со встроенными в него часами и мраморной книжной полкой...»

Уютно трещит огонь. Урчит огромный серый кот, очарованный звуками маятника, жмурится от удовольствия. А Элла? А Элла стоит посреди гостиной и сжимает в руках «Пепелище». Дядя, Эрик и неизвестная война остались в чернильных болотах книги.

Глава 5

Утром Элла просыпается чуть свет. Над полем ржи ещё витает призрачная дымка, скрывающая его ночью, доносится приглушённый плеск русалок, мелькают призрачные тени красавиц-утопленниц. В тыквах истлели свечки, и домой-невидимка меняет их на новые, блуждает по огороду болотным огоньком. А тёмно-голубой лес вдалеке едва проступает сквозь туман.

Путешественница бесшумно набрасывает халат, надевает мягкие тапочки и крадётся в покои Дантессы. Девушка не спит. Как и в прошлый раз, чародействует. Глаза закрыты, локти согнуты, ладони раскрыты как чаши весов. Вокруг парят три фарфоровых чашки с пастушками. На коленях – книга в розовом переплете с густо исписанными страницами.

Элла садится рядом на пол и заглядывает в пособие юной ведьмы, но неуклюже задевает Дантессу, и чашки падают, брызжа осколками.

– Ой, извини.

– Ничего, у меня бы всё равно ничего не вышло, – вздыхает Дантесса. – Уже второй месяц пытаюсь. Это бесполезно.

Элла мало что понимает. Дантесса кажется ей мифическим созданием, оракулом, пифией, прорицательницей. За туманом её глаз цвета морской волны хранятся удивитель-

ные тайны, сказания неведомого мира. Элле хочется прикоснуться к ним, но она не знает, как подружиться с хозяйкой чашек. Осмелев, девочка берёт с колен Дантессы книгу и читает:

– «Чашки танцуют. Чашка с пастухом задёт ритм. Две остальные повторяют за ней. Двигутся по кругу».

– Ага, танцуют, как же, – хмыкает Дантесса. – Падают и бьются.

– Чашки должны выполнять то, что написано в книге? – догадывается Элла.

– Да. Но у меня не получается, – Дантесса сгребает осколки, достаёт из-под кровати тубик «Искорочного клея» и с ловкостью мастера, как мозаику, собирает пресловутый сервиз.

– Может, дописать «Чашки не падают и не бьются?»

– Я уже пробовала. Не вышло, – Дантесса перелистывает несколько страниц и тонюсеньким пальчиком тыкает в абзац. – Я обречена.

– А как это работает? Ну, левитация. Ты просто пишешь то, что хочешь получить?

– Да, – кивает Дантесса и мягко отбирает у Эллы розовое сокровище. – Но для этого нужно обязательно иметь свою книгу, а ещё лучше книгу, которая признала тебя. И, конечно, богатую фантазию. Без фантазии, без воображения – книга лишь макулатура. Но когда у тебя есть воображение, когда ты хотя бы чуть-чуть выдумщик, ты можешь использо-

вать книгу для усиления своего воображения. Знаешь, иногда людям удавалось достичь невообразимых высот! Например, Ральф Родерикович Норкин, наш предок из восемнадцатого века, сотворил стаю драконов, и они прожили около полувека! Представляешь? Очень трудно поддерживать такую ораву.

Дантесса вздыхает.

– Я, в общем-то, и не надеюсь особо на успех. У нас, тех, кто родился на этой стороне книжного переплёта, – шансы не велики. Мы почти полностью лишены воображения. А таким, как я, и вовсе никакого волшебства не светит.

– Разве это возможно? – удивляется Элла. – Как может не быть воображения? Ты что, даже снов красочных не видишь?

Элле безумно жаль подругу (а белокурая девушка, конечно же, подруга, ведь Элла ещё ни с кем так долго не беседовала без обид и подколов). Неужели, как и серая Демидова, Дантесса не витает в облаках, не танцует с дельфинами, не скачет во весь опор на лихом коне?

Неужели можно жить без фантазий?

– А вот так. Можно читать сказки, перебирать наборы букв. Можно читать и впитывать в себя, чувствовать, проживать написанное, а можно самим создавать образы и придумывать сказки. Я худо-бедно читать умею, но придумать что-то своё у меня силёнок не хватает. Вот Хельга могла... Хотя и родилась здесь, в доме на границе меж настоящим

миром и воображённым. Но, знаешь, – Дантеса переходит на шёпот, – говорят, что Хельга сама из воображённых, но колдовать умела, и это здорово у неё получалось! Просто понимаешь, для зеркальных и воображённых волшебство фантазий губительно, это как мышьяк, который проникает в тебя и отравляет изнутри. В общем, Хельга потерялась в переплётах, в буквах, в образах, словом, завообразилась и навсегда осталась в несуществующем мире, в мире, который есть только в её голове, но в действительности не существует. Она никогда не найдёт тропинки назад.

Элла сдвигает брови.

– Знаешь, Дантесса, я сейчас ни словечка не поняла... Ну, если ты лишена воображения, то получается ты, хм, не из настоящего мира? Ты – ненастоящая? Воображённая?

Дантесса поджимает губы, отводит взгляд. Элла напряжённо следит, как мрачнеет её светлое личико, как его, подобно кораблям, бороздят тени сомнений.

– Дядя Марк ничего тебе не говорил, да?

– Да.

– Ну вот, – Дантесса вздыхает и обхватывает себя за плечи, – будь бы у меня воображение или хоть чуть-чуть мозгов, сама бы до этого додумалась. А я разболталась с тобой! – чётко, с расстановкой произносит звенящим голосом: – В общем, Элла, тебе категорически запрещено находиться на третьем этаже, общаться со мной или Хельгой. Уходи. Немедленно.

Последние слова Дантесса выплёвывает со злостью. Элла вскакивает и убегает к себе. На глазах наворачиваются слёзы. Разве это справедливо? Что она такого сделала? Всего лишь хотела подружиться, вместе читать о мушкетёрах, скакать на воображаемых лошадях и спасти заколдованных принцесс от злых драконов.

В спальне Элла с головой забивается под одеяло и утирает слёзы краешком ночной рубашки.

– Нельзя же быть такой тряпкой! Сейчас, небось, Марфа Ильинична отчитывать будет. Надо собраться и доказать всем, что мне можно доверять!

На улице утихают песни озёрных див. И вновь золотится ржаное поле. Августовские жнецы выходят собирать урожай и заводят протяжную песню о богатых дарах и долгой зиме.

Вскоре раздаётся мелодичный звонок к завтраку.

На кухне никого. Лишь дымится тарелка каши. Наверное, Дантессе и Хельге еду приносят в комнаты. Интересно, что имела в виду Дантесса, говоря о Хельге? Как это она завообразилась? И не грозит ли то же самое Дантессе? Может, они обе в страшной опасности и кто-то должен их спасти?

– Пожалуйста, следите за мыслями, юная сударыня.

Элла вздрагивает. На другом краю стола, развалившись, лежит серый кот, огромный-преогромный, как два кота. У него пушистые уши-кисточки, огромные лапы маленького льва, которые он положил на тонюсенькую чёрную книгу в дешёвом переплёте.

– Простите, с-сударь, а кто вы?

– Мейн-кун, – фыркает зверь и недовольно передёргивает ушами. – Стыдно не знать такие вещи, любопытная барышня. Ну-с, что вы планируете делать дальше?

– Пока не знаю.

Элла с недоверием косится на говорящего кота. Наверняка, она всё ещё спит. Или это дурацкий розыгрыш. Элла оглядывается. Но ни в одном кухонном углу никто не притаился. Конечно, злой шутник может прятаться и на лестнице. Но чтобы его разоблачить, придётся встать и обойти кота, а за это время хитрец разгадает манёвр и удерёт.

– Я так и думал. Планирование – не ваш стиль, сударыня.

– Разве коты разговаривают? – не выдерживает Элла. Слишком много небылиц и небывальщин для одного утра!

Огромный зверь вздыхает, точно человек, и на мгновение отводит взгляд в сторону, поводит ушами в раздумьях.

– Мейн-кун, сударыня. Мейн-кун, а не кот. Я решил подарить вам личную книгу. Полагаю, вы уже знаете, что это такое?

– Нет, – Элла качает головой, но жадно впивается взглядом в чёрный томик, от которого веет духом магической старины. Она уже чувствует, как пальцами прикоснётся к потёртому переплёту, как перевернёт шероховатые страницы, держа за уголок. Сердце бьётся чаще.

Таинственный гость недовольно взмахивает хвостом.

– Почему я не удивлён? Ладно, Элла, запоминайте: книга

будет исполнять пожелания только вашего воображения. Это как волшебная палочка. Но пользоваться ею можете только вы. Со временем, когда вы привыкните друг к другу, книге передастся часть вашей искорочной силы. Это и хорошо, и плохо. Хорошо, потому что вы сможете творить более сильные воображения. Плохо же, потому что книга станет частью вас, и если она попадёт в недобрые руки, то вам будет грозить опасность, даже смертельная опасность.

Мейн-кун лапой двигает к Элле чёрную книжонку, та легко скользит девочке в руки. Элла трепетно прикасается к ней.

– Будьте осторожны. Не верьте никому. Даже Дантессе. Особенно Дантессе. Я заметил, что она вам нравится. Но лучше держитесь от неё подальше. Вы ведь даже не представляете, какой кошмар она учудила с несчастной Хельгой.

– А что она сделала? – взволнованно спрашивает Элла и отрывает взор от книги.

Но чудесное видение соскакивает со стола, легко запрыгивает на поленицу, перебирается через неё и исчезает за печкой. Ещё шуршит недолго опилками, но вдруг наступает пронзительная тишина. Элла слышит лишь своё возбуждённое дыхание. Прижимает сокровище в чёрном переплёте к груди и спешит в комнату.

Там садится за стол, скрипнув, пододвигает стул с мягкой спинкой, торопливо раскрывает книгу, дрожащей рукой берёт карандаш, прикованный к столу тонкой цепочкой, и за-

мирает.

– Что бы такое загадать?

Оглядывается, и радость от подарка потихоньку притупляется. Неужели нечего наколдовать?

Шкаф с сарафанами приоткрыт, с верхней полки свешивается свитер, в котором мечтательница часто сидела на подоконнике у Демидовых и играла с рыжим чудом. Он ещё хранит запах квартиры и средства, которое Людмила Альбертовна добавляла для мягкости при стирке. Кот всегда недоверчиво принюхивался к одежде, забавно морщился и фыркал, а однажды даже устроил охоту на носки и ночные сорочки. Перевернул сушилку-раскладушку и растаскал бельё по разным углам!

– Ну конечно! Я верну Тошку!

Элла записывает желание в книгу, закрывает глаза и представляет, как любимый кот на мягких лапках запрыгивает на стол, проходит вдоль, задевая пушистым хвостом по лицу, и, вытянувшись, ложится посередине. Вот-вот он знакомо мяукнет.

Но – ничего. Огорчённая фантазёрка открывает глаза, и перед ней по-прежнему письменный стол, единственная чернильная строка в книге и ржаное поле за окном.

В коридоре кто-то шуршит оборками платья. Замирает под Эллиной дверью и просовывает записку. Элла быстро вскакивает с места, спотыкается, приземляется на колени. И когда, наконец, дорывается до двери, таинственного гонца и

след простыл.

Заинтригованная, разворачивает письмо.

«В два часа ночи. У лестницы на третьем этаже. Возьми личную книгу. Д.»

Дантесса? Вот ведь лицемерка! То говорит, не общайся со мной, а то грамотки под дверь подбрасывает. Элла яростно рвёт записку и обрывки прячет в поддон под горшком с геранью. Там-то никто, особенно Марфа Ильинична, не найдёт.

Впрочем, может, зря она горячится и стоит выяснять, чего же хочет Дантесса?

Остаток дня Элла проводит в огороде, сидя на лавочке напротив соломенного пугала и разглядывая морковные и тыквенные грядки. Ни Демидовы, ни Романовы Эллу на дачи и в деревни не возили, и потому девочка с радостью соглашается помочь, когда в огород приходит Марфа Ильинична и просит прополоть длинные ряды ярко-зелёной морковной ботвы. Элле это кажется занятной игрой в волшебника, которому предстоит повалить сотни мохнатых деревьев и под одним из них найти сундук со сказочной книгой.

Экономка же присаживается у крыльца, щёлкает семечки и с прищуром наблюдает за Эллой. Девочка старается изо всех сил, не жалеет ни испачкавшихся колготок, за которые ей влетит завтра утром, ни белых ладошек, которые она не прикрыла перчаткой. Да и к тому же Элле стыдно, что она приняла записку от Дантессы, невольно нарушив запрет.

Когда волшебница почти проредила второй ряд непокор-

ной моркови, Марфа Ильинична произносит себе под нос:
– Хороший вечер.

Элла оглядывается на закат.

Солнце над голубоватой кромкой леса. Чуть колышутся макушки елей, и ветер доносит их свежесть... и запах озёрной тины. Ржаное поле постепенно меркнет, растворяется в закатных лучах, и сквозь туман серебрится барский пруд. А солнце всё ниже, небо отливает багровым.

Не жарко, тепло. Элла закрывает глаза и подставляет лицо тонущему солнцу.

– Нечасто такое бывает, – продолжает Марфа Ильинична. – Обычно небо заполняют чёрные вороны, кружат и кружат, покоя не дают, бестолковые.

– Почему?

– Почему боярышниковые вороны кружат? – домоправительница вздыхает. – Ищут, в кого бы впиться. Охота у них на нас, жителей Тридевятого царства.

– Я всегда иначе представляла себе Тридевятое царство.

– С Иванушками-дурачками, говорящими шуками и скатертью-самобранкой?

Элла кивает. Марфа Ильинична смеётся.

– Тебе ещё многое предстоит узнать. Иван, дурак и младший сын, это наш далёкий предок. С него начинается наш род. Увы, многие ветви нашего клана пресеклись. Остались лишь Норкины. Как-нибудь покажу тебе наше фамильное древо. А вот скатерть-самобранка где-то на чердаке была...

Лениво молчат, солнце золотит морковную ботву. Уставшая от борьбы с лохматыми кустиками, Элла отряхивает руки и выскребает грязь из-под ногтей.

Марфа Ильинична блаженно прикрывает глаза. Тень от водосточной трубы падает на её лицо. Вновь похожа на Бабу-Ягу: усталые черты, старые, морщинистые, и длиннющий нос.

– Дядя ждёт тебя в кабинете. Иди. Пора уже.

Кабинет дяди Марка, как и спальня Эллы, находится на втором этаже, но дальше по коридору. На стенах – головы кабанов и оленей с покрытыми лаком рогами. Длинный книжный шкаф плотно заставлен внушительными томами.

Дядя, огромный как медведь, неуклюже сидит в глубоком кожаном кресле, постукивает костяшками пальцев по столу. Кажется, что сидеть здесь ему неприятно и неудобно, и без гигантского меча он выглядит как страницы, вырванные из сказки и вставленные в серьёзную драму, совершенно не к месту.

Серебристый лунный кот лежит на столе и внимательно, чуть сощурившись, наблюдает за Эллой. Девочка улыбается, но пушистый царь гордо отводит взор. Да ты мне девочка ни на секунду не нужна!

– Садись, Элла, – дядя Марк указывает на кресло с исцарапанными подлокотникам, словно кто-то со всей силы когтями впивался в его деревянную плоть.

– Итак, Элла, я должен тебе кое-что рассказать... или не рассказать, – быстрее стучит толстыми, огрубевшими пальцами. – Признаться, мне не хочется впутывать тебя. Но ты однажды и так всё узнаешь. Ты очень любопытная.

Дядя подавляет вздох.

– Это оттого что я не люблю скучать. Мне всегда хочется чем-то себя занять, – но тут же Элла корит себя за поспешность. Можно подумать, дядя любопытство посчитает великим достоинством. Теперь, наверняка, в поход не возьмёт. Ну, может, хотя бы Тошку вернёт?

– Я слышал: ты любишь читать.

– Да. Все эти истории... Мне очень нравится погружаться в них, думать: а могло ли всё быть иначе? Придумывать своё. Это весело! Я столько всего интересного пережила, побывала во многих странах, не выходя из дома. Это как кругосветное путешествие за чашкой чая.

– А ещё тебе нравится изучать чужие вещи, — усмехается дядя. И хотя Элла понимает его намёк, но не даёт сбить себя с толку.

– Воображению нужна пища.

– Разве твоё воображение не способно рождать образы из пустоты?

– Не знаю, – девочка краснеет. Она никогда об этом не задумывалась, не пыталась представить того, о чём хоть чуть-чуть не читала бы. Но, наверное, это было бы здорово – вообразить нечто уникальное, нечто, что существует лишь в тво-

ей голове. — Я не знаю, способна ли я на что-то грандиозное.

Богатырь окидывает хрупкую племянницу таким взглядом, словно впервые видит её и не понимает, кто она и зачем тут, столь не похожая на других Норкиных. В изгибе его бровей скользит недоумение. У Эллы закрадывается мерзопакостное чувство: неужели вконец разочаровала дядю? Этих взрослых не поймёшь. И чего им не хватает?

— Знаешь ли ты, что такое выбор, дитя моё? — вкрадчиво произносит дядя. Так странно слышать такую тишину и пронизательность от столь громадного мужчины. Ему больше под стать гомерический хохот и секира на плече.

— Необходимость выбрать один из предложенных вариантов, отказавшись от других.

Дядя Марк хмыкает.

— Что такое выбор? Ещё раз.

Элла призадумывается.

— Принятие решения, которое ты уже не в силах изменить, но которое навалится как снежный ком и изменит тебя.

Строгий судья довольно кивает.

— Тебе приходилось делать выбор?

— Однажды я сбежала с котёнком в парк, затем думала, а не уйти мне из дома насовсем? Ой, дядя Марк, а ведь Тошку любимого я оставила в Москве. Можно за ним кто-нибудь съездит? А то Марфа Ильинична не разрешила, когда мы собирались...

— Боюсь, котам не место в этом доме, Элла. Но если он

тебе так дорог, то я могу подыскать ему новую семью.

– Но ведь в доме полно кошек! У вас на столе – серебряный, на кухне – здоровый такой. И у этой странной девочки Хельги...

Под пронзительно-суровым взглядом дяди она осекается и давится окончанием фразы. Густо краснеет.

– Не понимаю, о каких кошках идёт речь, Элла, — голос богатыря подобен беспощадному грому. Серебряный красавец недоумённо смотрит на дядю Марка и лениво, даже презрительно зевает, довольно жмурится и переворачивается на спину, показывая светлое пушистое брюшко.

– Поэтому давай вернёмся к нашей философской беседе. Решение сбежать с котом далось тебе мучительно?

Ещё не придя в себя, запинаясь:

– Нет, я как-то не задумывалась, просто сделала. Подобрала котёнка и сбежала.

Дядя удовлетворённо улыбается.

– Бездумность. Это не выбор. Выбор – мучительный, терзающий процесс принятия решения, осмысленного, взвешенного решения.

Элла кивает.

– Я сейчас пытаюсь принять такое решение: рассказать тебе о мире по ту сторону переплёта или оградить от опасностей, которые тебя ждут, едва ты встанешь на путь фантазий?

– Там, за этим непонятным переплётом, сказочный мир? Тот, в который я попала, открыв книгу «Пепелище»? Значит,

мне ничего не приснилось!

Заботливый, как удав, опекун пропускает её вопрос, перестает барабанить по столу.

– Понимаешь, Элла, я кое-что знаю о будущем. Знаю, что произойдет, если я расскажу, и что будет, если я сейчас отпущу тебя и ничего не скажу. Я могу раскрыть возможные варианты будущего и спросить, чего хочешь ты. Но подобная игра с выбором может непредсказуемо изменить всё грядущее. Догадаешься почему?

– Потому что человек делает выбор на основе имеющихся знаний. И если вы расскажете мне о том, что ждет меня, то я поступлю не так, как поступила, если бы ничего знала. И моё будущее изменится. Но это не означает, что новая судьба окажется лучше.

– Есть варианты будущего, где ты погибаешь, Элла, — голос дяди пугающе затихает.

Как же странно, встречать участие от этого сурового богатыря, как же странно, что в его сердце может жить сочувствие к маленькой сироте.

Девочка вздрагивает и жалостливо глядит на дядю.

– Я бы не хотела погибнуть, – ей действительно становится не по себе. Она вовсе не готова к такой участи. Да даже в самые кошмарные моменты жизни ей не приходила в голову мысль о возможном конце! А теперь? Теперь липкий страх подбирается к ней, ищет где бы поселиться, жаждет урвать кусок посolidнее.

– Рассказать, как этого избежать?

– А если пытаюсь избежать этой опасности, я попаду в другую ловушку и погибну ещё более ужасной смертью? И даже сейчас, когда вы говорите, что в одном из будущих я погибну, вы неотвратимо меняете мою судьбу. Потому что это знание останется со мной и обязательно всплывёт в момент главного решения.

Элла силится сохранить невозмутимость. Плотно сжаты губы. Смотрит не моргая.

Дядя улыбается.

– Прости, что пугаю тебя. Но постарайся быть осторожнее и не суйся в мир за переплётом. Это очень опасный, пусть и прекрасный мир. Он таит в себе множество соблазнов. И ты можешь поддаться искушению и никогда не вернуться из фантазий. Конечно, выдуманый мир хорош, но, пожалуйста, помни, каким бы великолепным он ни был, он никогда не заменит реальный.

– Та девочка, Хельга, она об этом забыла?

Дядя кивает.

– Хельга слишком далеко зашла в своих грёзах. Она была очень сильной воображающей, несмотря на то, что полукровка. Но она запуталась в выдумках, забыла путь в реальный мир, не нашла тропинки. Есть два воображаемых мира. Тот мир, который ты видела, провалившись в «Пепелище». Этот мир создан воображением очень сильного человека и продолжает существовать благодаря записям в кни-

ге и людям, которые воображают во сне. Их так и называют – спящие. Этот мир, за переплётом, он почти реален, будто параллельный мир, дополнение настоящего. Но каждый выдумщик или воображающий может создавать собственный мир, мир мечтаний и фантазий, уходить по тропинке в мир снов. Хельга заигралась. Конечно, мы попытались её спасти, создав её зеркальное отражение, но оно оказалось слишком слабым. Мы потеряли Хельгу.

Дядя на мгновение замолкает.

– Поэтому прошу тебя, Элла, будь осторожна. Я понимаю, что, живя в доме на границе двух миров, ты неизбежно соприкоснёшься с воображаемым миром, но будь осторожна.

– Я обещаю, дядя.

Хлюпая носом, Элла кивает. Ей страшно. Страшно исчезнуть так же навсегда, как исчезли и Демидовы. Раньше Элле казалось, что души умерших возносятся в прекрасное далёко, где в безмятежности коротают вечность. Но, увидев их тела в гробах, увидев хмурые кресты и дождливое небо, Элла поняла, что после смерти есть только холодная земля и крышка гроба над закрытыми глазами. Дальше – нет ничего.

И эта зияющая пустота пугает больше всего. А безумие Хельги – чем оно лучше смерти? Когда тебя уже нет, когда ты растворяешься в мечтах, которых не существует? Живёшь, дышишь, видишь – и всего этого на самом деле нет. Когда не узнаёшь друзей и родных, когда тебя за руку водит нянька.

В мрачной задумчивости Элла выходит из кабинета, но на

пороге оборачивается.

– Дядя Марк, а Тошку никак нельзя забрать?

Но могучий богатырь непреклонен и без тени милосердия качает головой.

– Это невозможно, Элла. Увы, кошки слишком опасны.

– Ладно. Ну, тогда мне можно отправиться в ту школу, где Дантесса учится левитировать предметы?

Дядя хмурится.

– Я думаю, тебе лучше обучаться на дому.

– Значит, я всё-таки научусь всяким колдовским штучкам с помощью книг и воображения?

Марк Андреевич сдвигает брови.

– Элла, запомни ещё раз: воображение – это не игрушки.

Учить тебя будет Марфа Ильинична. У неё не поиграешь.

Элла грустно кивает. Да уж! Баба-Яга не похожа на любительницы забав, одарённую богатой фантазией. Разве что знает тридцать способов заварить чай с бурьяном.

«Небось, тыквы выращивать будем!»

Глава 6

В два часа после полуночи в доме властвует темнота. Из окна, ведущего на лестницу, льётся неровный лунный свет и падает на стройную Дантессу, сумраком освещая её платье с юбкой-тюльпаном до колен, белые кружевные гольфы и чёрные кожаные перчатки, совершенно не сочетающиеся с её тоненькой фигуркой и изящными завитками волос.

Элла в чёрном (самый подходящий для ночных вылазок цвет!) сарафане осторожно подкрадывается, прикрывая свечу ладонью.

– Зачем мы здесь?

– Тише, – одними губами, – не разбуди взрослых и Хельгу. Было довольно трудно всем подсыпать снотворного. Знаешь, как чутко они спят? Засекают, стоит только на миллиметр высунуть нос из спальни. Я хочу тебе показать кое-что. Идём.

Дантесса пододвигает стул на середину лестничной площадки, проверяет, не скрипит ли он, и взбирается. В темноте юная авантюристка нашаривает люк, тянет за кольцо, и с неожиданным грохотом падает лестница. Девушка, закрывая лицо руками, соскакивает со стула и стоит зажмурившись.

Некоторое время ночные шалуни, не шелохнувшись, вслушиваются в тишину. Кажется, Марфа Ильинична и Хельга спят. Главное, чтобы Хельга не проснулась, её дикие

крики способны и мертвеца разбудить. Но из недр дремлющего дома не доносится ни звука, не слышно даже порывистого дыхания воображаемых кошек и мягкого шуршания лапок.

Девочки залезают на чердак.

Единственная свеча вырывает из мрака очертания деревянных ящиков, картонных коробок с подписями фломастерами и детскими рисунками в углах, плетёного кресла-качалки и, наконец, пыльной тумбочки, на которой стоит сломанный торшер. Он уже настолько сросся с пылью, что сказать его цвет невозможно.

– Хм, она должна быть где-то здесь, – озадаченно оглядывается Дантесса. Элла угадывает, что её спутница и сама впервые в обители старых вещей. И это пугает. Сейчас как угодят в какую-нибудь ловушку, собьются с тропы. Конечно, дядя говорил, что для этого нужно сначала перенестись в мечты и фантазии, но кто сказал, что чердак – настоящий?

Элла ёжится: она не знает, как отличить реальность от воображения. Вот ведь угораздило связаться!

– Что мы ищем, Дантесса?

– Книгу, естественно.

Вместе они обходят чердак, шагок за шагом вглядываясь в узоры пыли. Вот кошачий след, только один, словно кошка случайно оступилась с воздушной дорожки, вот узор опавшей с потолка паутины и пара высушенных пауков, погибших от голода.

– Нашла!

Под узким чердачным окном стоит перекосившаяся книжная полка, заваленная кипами газет, которые почти скрывают от глаз толстенный фолиант в тёмно-фиолетовом бархатном переплёте.

Дантесса смело берёт книгу, сдувает слой пыли, отчего девушки чихают и кашляют. И шелестит страницами, пока не находит нужную страницу. Вверху нарисован белый дворец-терем, выточенный из берёзовых стволов. Он окружён рвом и частоколом, под окнами разбит фруктовый сад. И в воздухе будто разносится запах спелых плодов и шёпот летающих на сладкое пчёл.

Дантесса указывает на заглавие, выведенное витиеватыми красными буквами.

– Прочти, пожалуйста.

– Почему я?

– Тебя слова слушаются, а меня нет. Я же зеркальная, а ты из выдумщиков, а, может, и из воображающих.

Элла заглядывает в книгу. Ей кажется, что ставни окошка на верхнем этаже терема закрываются тотчас же.

– Книжное царство?

– Да, одно из воображённых царств по ту сторону переплёта. Прочти, пожалуйста, – настойчиво требует белокурая принцесса. От нетерпения поджимает губы, тербит пояс платья.

Элле не нравится просьба Дантессы. Сейчас прочтёт – и

они куда-нибудь перенесутся. Дядя будет ругаться. Но так хочется подружиться с Дантессой, с этой стройной принцессой-дюймовочкой с добрыми голубыми глазами. Она наверняка не откажется, а поведаст о мире за переплётом, не то что дядя или Марфа Ильинична!

Элла пожимает плечами и читает:

– Книжное царство – одна из трёх великих земель. Оно раскинулось в горах, выше облаков, утопает в белом, молочном тумане, похожем на ленивую реку. Берестяной дворец находится на горном плато, в роще. К терему ведёт река с кисельными берегами, которая через шлюз попадает во дворец и пересекает гостиный зал на первом этаже. В том же зале внимательный глаз может заметить под лестницей на второй этаж укромный уголок, стены которого обклеены чёрной бумагой. И непрошенных гостей от взглядов хозяев скрывает скульптура – двухметровый бумажный лебедь, застывший с раскрытыми крыльями, готовый вот-вот взлететь. Если вы взглянете в чёрнобумажную стену, то увидите ярко вспыхнувшие слова: «Сейчас вы впервые совершите переход в Берестяной дворец. Вы не сможете вернуться обратно через книгу переходов. Для этого, пожалуйста, воспользуйтесь переходом через личную книгу. Вам необходимо будет начертать лишь название места возвращения».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.